

Дина Рубина

Под знаком карнавала

«ЭКСМО»

Рубина Д. И.

Под знаком карнавала / Д. И. Рубина — «Эксмо»,

ISBN 978-5-425-02137-3

Известная писательница Дина Рубина живет и работает в Израиле, однако ее книги пользуются неизменной популярностью на всем русскоязычном постсоветском пространстве. «...Их бин нервосо» – книга особенная. Жанр книги был определен автором как «свободный треп» и представлен читателю. Пишет Рубина легко и изящно. Основной материал книги – это современная израильская жизнь. Приземленная повседневность недавнего эмигранта и ностальгические воспоминания о советском детстве и юности. Смешные бытовые сценки, анекдоты из жизни русских израильтян, «трудности перевода» с иврита на русский и обратно. ... «читаем в разделе «Объявления»:

ISBN 978-5-425-02137-3

© Рубина Д. И.
© Эксмо

Дина Рубина

Под знаком карнавала

Разница между комической стороной вещей и их космической стороной зависит от одной свистящей согласной.

В.В. Набоков

Который год пытаюсь понять – что держит меня на плаву в моем небезупречном, небезболезненном и небезоблачном здешнем существовании. И думаю – его откровенная, брутальная, убийственная карнавальность. Перемена лиц, образов и масок; вывернутый наизнанку смысл существования; ситуации-перевертыши, их откровенная театральность и откровенный фарсовый идиотизм. Маски грубо размалеваны, служанка переодета госпожой, госпожа – куртизанкой и все играют чьи-то роли. Играют грубо, упрощенно, условно, ибо ничего не поделаешь – площадной театр.

И только иногда блеснет в прорези глаз идиотской маски внимательный и насмешливый взгляд, каким смотрят на нас с портретов шуты Веласкеса.

Вот такая история.

Живет в Израиле человек по фамилии Ленский. Это еще не начало карнавала, еще не смешно. Обычная еврейская фамилия, у нас и Пушкины попадают.

Когда-то в Советском Союзе этот Ленский в знак протеста против ввода советских танков в Прагу сжег красный флаг на площади Свободы в Риге. Разумеется, его схватили, судили, дали срок, который он отсидел тюелька в тюельку.

После чего репатрировался в Израиль, на историческую Родину, в демократическое государство, где, как он полагал, забудется страшный коммунистический сон.

Но в Израиле в то время у руля стояла Рабочая Партия, у которой, как известно, на трибуне с одной стороны был национальный бело-голубой флаг, а с другой – красный.

Что там говорить. Ленский сжег красный флаг на площади Царей Израилевых в Тель-Авиве. Его схватили, судили, дали срок (надо отдать справедливость – гораздо меньший), он отбыл его и вышел на свободу. И вышел он на израильскую свободу законченным диссидентом.

Жил на так называемых «территориях», состоял в экстремистской организации КАХ, ходил с оружием, участвовал во всех антиправительственных демонстрациях, (неважно – какая партия стояла у власти), а также митинговал на всех митингах. Он участвовал во всех забастовках – будь то служащие аэропорта Бен-Гурион или работники детских садов и ясель. Словом, человек сросся с карнавальным костюмом «закоренелый правонарушитель».

Стоит ли говорить, что израильская полиция и органы госбезопасности в любой заварушке привыкли тянуть за ниточку, которая приведет к вечному диссиденту Ленскому.

И вот моя соседка, работающая каким-то мелким секретарем в следственном отделе иерусалимского полицейского управления, описала мне сценку, свидетелем которой стала на днях.

Действующие лица:

Студент, юноша лет двадцати, из интеллигентной ленинградской семьи, привезенный в страну в возрасте шестнадцати лет – то есть, человек, обремененный некоторым грузом русской культуры.

Офицер полиции, йеменский еврей лет сорока пяти, привезенный в страну в детстве. В любом случае никак не обремененный грузом русской культуры.

Между ними происходит следующий диалог.

Полицейский:

– Ты про Ленского слышал?

Студент:

– Да... конечно.

Полицейский:

– От кого?

Студент иронически поднимает брови, оглядывается на секретаршу, наконец говорит:

– То есть как – от кого? От Пушкина.

Офицер быстро помечает что-то на листке перед собой.

– А где он сейчас – знаешь?

– В каком смысле – где? – настороженно спрашивает молодой человек, – его же это... убили...

– Как – убили?! – вскрикивает визави. – Кто убил?! Он вскакивает из-за стола и начинает в страшном возбуждении кружить по комнате. Очевидно, его сильно задевает тот факт, что этот сопляк знает об убийстве Ленского, а он, офицер полиции, почему-то не знает. Он останавливается напротив студента и повторяет:

– Кто убил?

Студент, уже чувствуя, что этот странный разговор с сумасшедшим любителем пушкинского романа пошел по какому-то неправильному руслу, поеживается и тихо говорит:

– Ну, как же... ну, этот... Онегин же... Полицейский подскакивает к столу, быстро записывает и это показание.

И только когда он пытается выяснить точную дату убийства, а юноша, явно подсчитывая что-то в уме, бормочет, что приблизительно в первой четверти девятнадцатого века... следует, как – у Гоголя – финальная сцена с застывшими фигурами и вытаращенными глазами...

Гротескным преобразованиям, искажениям, перевоплощениям смыслов подвергается и язык – важнейшая, если не главная, субстанция нашего существования в социуме.

Обратите внимание: коверканье языка, комические языковые ситуации занимают сейчас обширное место на страницах юмористических изданий повсюду в эмиграции – Германии, США, Израиле.

Мучительное надевание чужого языка, постепенное переодевание сознания – это ли не трагический карнавальный процесс, суть болезненных эмигрантских перевоплощений! А ведь с годами происходит еще и обветшание родного языка, частичная его потеря, прорехи именно в смысловых, подтекстовых оттенках.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.